

Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба

Спешно покинув сад дома дяди Али, Наль в сопровождении двух слуг, из которых один был ее двоюродным дядей, переодетым слугою, молодого Али и капитана Т., вошла в его дом, где она никогда не бывала и даже представить себе не могла, что такое может случиться. Выросшая в двойственной обстановке, даваемая всеми условиями гаремной жизни, Наль тем не менее была образованна и теоретически знала жизнь цивилизованного и культурного общества благодаря Али Мохаммеду, который боролся с затворничеством женщин всюду, где только была для этого возможность.

У Наль всегда были европейское платье и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая негодование старой тетки и прочего синклита из муллы и его фанатиков-правоверных.

И девушка безо всяких затруднений переделалась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Без плача рассталась она с братом, только кинулась ему на шею, хотя в глазах обоих блестели слезы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал, так оно и должно быть. Если он тебя отдал капитану Т. — значит, так вот твой путь. А счастье твое зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди весело и старайся понять, зачем дядя создает тебе другую жизнь. Одно только помни: у нас с тобою общий завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет для нас ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных тувфелек в руки, завернувшись в покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейское платье, настолько же трудно оказалось побороть привычку к покрывалу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидя ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и какой уликой являются ее косы, Наль не дала опомниться изумленному капитану и отхватила ножницами косы до пояса.

Она уложила их вокруг головы и надвинула шляпу на лоб.

Набросив на нее легкий шелковый плащ, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную перед нами задачу.

— Я не знаю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы в коляску. Лошади сразу перешли на рысь, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была на улице ночью, даже за воротами сада, — шептала Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого едва узнавала в непривычном штатском платье.

— Перейдем на английский, Наль. Теперь вы — графиня, жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как помните из английских книг. Вот вам покрывало, — и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опереться на мою руку и до самого момента отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — достаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, которому только кивают или объясняются с ним жестами. Так всю жизнь живут важные дамы.

Постарайтесь прожить таким образом одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не завершится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря за заказанными заранее билетами. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично убедился в том, что его супруга устроена удобно, любезно с ней простился и сказал, что утром придет ее проведать. Все было чуждо Наль, незнакомо и неудобно. У нее было до того растерянное личико, что лорд-муж, уже выйдя в коридор, спросил, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначащими фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у ней бессонница, — сказал лорд мнимому секретарю. Поцеловав руку жене, он шепнул ему: — Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе — как делал это уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дядя должен был объяснить ей устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга. — А как мы туда доберемся?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение.

Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем плыть морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу качку. Придется капитану Т. самому караулить свою важную жену, — смеялся дядя. — Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденся и ложись спать.

— Нет, дядя, спать невыносимо. Я могу лечь, если ты этого желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины не обдумаю.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как в привычной мирной обстановке своего окруженного виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при неверном свете свечи пометки помогали ему не замечать мелькавших станций, и он с удивлением приветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — шепотом, лукаво улыбаясь, сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колес, все молодости нипочем.

Секретарь отправился в отделение своего господина, а тот устроился на соседнем диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо задвинул щелку в занавеске, через которую к волнистой головке подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным с Наль, но даже пройти свою жизнь вблизи нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, который несет ответ сразу за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль, Али сказал, что она дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, — продолжал думать капитан, — выше той любви, когда человек согласен отвечать за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — медленно просыпаясь, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена и нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорченно сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не огорчайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем роли и тем спасем свои жизни. И жизни всех тех, кто в эти минуты помогает нам. Трудно вам, Наль, путешествовать впервые, да еще без женской помощи. Будем стараться вести себя так, чтобы нас принимали за важных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример хороший. Но критиковать вашу прическу — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесать голову, как на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала берусь. Но на модную картинку не согласен. Выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все-все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах их носят только на балах, званых обедах, очень изысканно и в меру. Украшения, как шляпы и меха, имеют свои законы.

Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые надевают, когда едут в коляске.

— Как же все это постичь, чтобы не быть бестактной и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьезностью спрашивала Наль.

— Я думаю, вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, вам, Наль, будет легко усвоить внешние правила цивилизации того народа, среди которого мы будем жить. Для начала выньте из волос жемчуг и снимите драгоценности с шеи и ушей. Они чересчур вызывающие для вагона. Найдите какие-нибудь маленькие серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное.

Довольно долго капитан так сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на сложности.

— Ну, вот я и готова, — услышал он наконец.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке тяжело от пышных кос, а непривычные шпильки заставляли Наль все время пробовать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивала розовая кожа. Выражение огромных глаз было радостное, доверчивое. Ни облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и любимых. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего этого не было на лице Наль, кроме желания услышать одобрение капитана.

Уверив, что все в ней прекрасно, капитан проводил жену в умывальную комнату и остался ждать в коридоре.

Мысли о Левушке — до сих пор его единственном близком спутнике — пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира.

Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь я отвечаю за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты в ее купе, лорд приказал проводнику позвать секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший, устроил все по части завтраков и обедов. Наль не пришлось об этом беспокоиться, все подавалось в купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась с новым бытом, и окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения женщин с мужчинами, но выходить до наступления полной тишины и темноты из купе она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве, наши путники добрались до Москвы.

Ни слова ни о чем не спросила Наль, и в поезде, следующем в Петербург, уже чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан, что она напряженно размышляет, но не мешал ей решать свои вопросы самой.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к своему открытому лицу, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход.

Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув никуда, какая жалость, капитан Т.

— Не знать хорошо языка, а только осмотреть дома и галереи — это ведь тоже грустно, Наль. Будет время, и вы увидите много красот, узнаете быт разных народов и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать все сразу. Сейчас помните только, что вы важная дама, моя жена.

Наши пассажиры поднялись на пароход со вторым гудком. И только когда он отошел от берега, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он не скрывал бы от меня ничего, видя во мне усердного слугу-помощника. А ведь я ему только племянница.

— Упрек ваш мне тяжел, Наль. Особенно потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает и даже не понимает, как ей вести себя.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу, — подошел к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему по-английски. — Ваши места оказались врозь, — кидая восхищенный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан. — Но я могу предоставить вам самую лучшую каюту, куда пассажиры не явились. Если угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мое место отдать секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил. И буду счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу, — ответил, изысканно кланяясь Наль, капитан.

— Как же мы с вами поедem в одной комнате, капитан Т.? — подавляя волнение, сказала Наль.

— Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы еще не знаете, как будете переносить качку. Лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

— Мне страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? — тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

— Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. Я даже не могу сердиться на всех, кто — от матросов до капитана и от юношей до стариков — очарован вами. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами

любоваться, как это делаю сейчас, я бы вел себя точно так же. А потому и не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

— Это услышать от вас сейчас мне было нужно. Так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи. У нас все иначе между мужем и женой. Я думала, что вы недовольны, что уехали со мной.

— Когда мы очутимся в каюте, а не здесь, на ветру, расскажете обо всем, что вы надумали. А пока укройтесь, пожалуйста, Наль, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы ветер не испортил вашу кожу.

— Или ревность не испортила сердца вашему мужу, — низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. — Наши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельем и платьем, которые тоже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам уже шел навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

— Вот так красавец мужчина, — сказала своей подруге разряженная дама.

— Всю жизнь прожил — подобной женщины и представить себе не мог, — говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой.

— Ну, вот придумали, — возразила дама. — Муж — это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец? А жена — смазливенькая, каких много.

— Это просто возмутительно! Рост, пропорциональность фигуры, крошечные ручки и ножки, белизна, ну, а уж глаза — это небо, — возражал франт.

Как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

— Немедленно ложитесь в постель, — сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. — Вам сейчас помогут. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдет. Но вряд ли вам придется побеждать сердца за табльдотом.

— Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы даже не взглянули на меня ни разу.

— Напротив, Наль, я все ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А видит Бог, еще о многом надо было подумать.

— Неужели вы уйдете к этому ужасному табльдоту и оставите меня одну?

— Нет, конечно. Я поищу в сундуке, там, наверное, найдется какой-нибудь очаровательный халат. Вы снимете свое платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Си-ней бороды. Но прежде всего, я велю принести апельсинов, а вот и девушка вам в помощь.

— О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу. Ванну и постель очень хочу. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово сама. Я вижу, как плохо быть приученной иметь семь нянек.

Капитан отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал оттуда прелестный теплый халат. Бедняжка страдала от прохлады северного лета. Как ни помогали ей лекарства, однако пришлось ей пролежать все путешествие и лишь изредка в солнечные дни сидеть в кресле на палубе.

— Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то все мне кажется уютным, даже шум ливня, — говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа ее ручки в своих, и старался помочь ей переносить тяжелую качку.

— Мы встретим в Лондоне друга дяди Али, Флорентийца, — сказал однажды ей капитан.

— Флорентийца? Это что? Его имя?

— Так его все зовут, а имени его ни я и никто не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймете, что такое красота.

— Это странно. Дядя Али — красавец. Али Махомед — красавец, еще лучше. Вы, — зарделась Наль, — всех лучше. Разве можно быть красивее вас?

— Я спрошу вас об этом в Лондоне, — засмеялся граф, — после свидания с Флорентийцем.

Наконец, мученьям Наль настал конец. В одно прохладное туманное утро пароход подходил к пристани, доставив в Лондон совсем большую Наль, измученных секретаря и слугу и здорового графа Т. Загар на его

лице от постоянного сидения в каюте с Наль, болезнь которой выражалась в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать, почти сошел. Отчего лицо его, блондина с вьющимися светлыми волосами и темными, очень красивыми бровями, сильно выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока за ними не вернуться, граф подошел к самому паркету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но, когда половина пассажиров уже сошла, он внезапно просиял и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, быстро прошел в каюту, укутал жену в плащ и понес ее на берег.

— Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но как ни спешил, тебе все же пришлось ждать меня, — говорили по-английски очень приятным, нежным по тембру, но довольно низким голосом.

— Поверьте, я ждал бы до конца разгрузки парохода, раз вы приказали ждать здесь.

— Это по-твоему! Во всем, всегда и везде можно быть уверенным, что ты выполнишь точно приказ, — произнес тот же голос. — Не тревожься о Наль, дай мне ее на руки и веди сюда своих инвалидов. Видишь у сквера зеленую карету? Веди прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки приподняли ее. Ей показалось, что человек этот намного выше Николая, как назвал незнакомец ее мужа.

Сначала ей хотелось протестовать, сказать, что она вовсе уж не так слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но едва очутилась она в руках незнакомца, неизъяснимое счастье, почти блаженство, охватило ее.

— Отец, — невольно прошептала Наль. И — точно подслушал незнакомец шепот ее уст и сердца — еще нежнее обхватили ее сильные руки. Точно как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тетки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя защищенной. Ей и не надо было видеть того, к чьему сердцу она доверчиво приникла, — она чувствовала себя слитой с ним еще крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и двинулись по серым и однообразным улицам,

заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую широкую улицу и остановились у двухэтажного особняка, окруженного садом.

— Доверь мне донести твоё сокровище до комнат, назначенных тебе и ей, — обратился Флорентиец к Николаю. — А ты проводи своих друзей в комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три-четыре они проспят и тогда смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса — на них и иди.

Легко, как будто бы Наль была куклой, вышел Флорентиец из экипажа, сказав что-то на непонятном ей языке, очевидно, слуге, и стал подниматься по лестнице.

Наль было стыдно, что её несут, как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые узнанной ею любви к отцу заставляло её сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро её поставят на ноги.

Положив её на диван. Флорентиец, смеясь, откинул с её головы плащ и ласково сказал:

— Теперь посмотри на того, кого в мыслях ты уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твоё угадало раньше уст?

— О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! — прикрывая глаза рукой, сказала Наль. — О отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковер и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у её изголовья.

— Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын.

Называя меня отцом, ты только берешь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфету, и через час будешь бегать не хуже, чем по саду дяди Али.

Содержание

Том 1

<i>Глава I.</i> Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба	4
<i>Глава II.</i> О чем молился пастор. Дженни вспоминает	58
<i>Глава III.</i> Письма Дженни, ее разочарование и борьба	74
<i>Глава IV.</i> Важное событие в семье графа Т. На балконе у Наль. Завещание пастора	90
<i>Глава V.</i> Скачки	106
<i>Глава VI.</i> Болезнь и смерть пастора. Его завещание	121
<i>Глава VII.</i> Болезнь Алисы. Письмо Флорентийца к Дженни. Николай	155
<i>Глава VIII.</i> Чтение завещания в доме пастора	173
<i>Глава IX.</i> Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни. Тендль в гостях у лорда Бенедикта в деревне	190
<i>Глава X.</i> Мистер Тендль держит слово. Генри Оберсвоуд. Приезд капитана Джеймса	209
<i>Глава XI.</i> Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли. Поручение лорда Бенедикта	237

Том 2

<i>Глава XII.</i> Дория, капитан и мистер Тендль в Лондоне	276
<i>Глава XIII.</i> Леди Цецилия Ретедли в деревне у лорда Бенедикта	300
<i>Глава XIV.</i> Джеймс Ретедли и Лизау лорда Бенедикта	312
<i>Глава XV.</i> Дженни и ее жених. Свадьба Дженни	342
<i>Глава XVI.</i> Судебная контора. Мартин и князь Сенжер	377
<i>Глава XVII.</i> Мать и дочь. Джеймс и Ананда. Ананда и пасторша. Жизненные планы Николая и Дории	398
<i>Глава XVIII.</i> Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы и капитана	426
<i>Глава XIX.</i> Жизнь Дженни и ее попытки увидеться с матерью и сестрой	448
<i>Глава XX.</i> Последние дни лорда Бенедикта и его друзей в Лондоне. Тендль. Исповедь и смерть Мартина. Еще раз музыка. Прощальные беседы	467
<i>Глава XXI.</i> Дженни и ее свидание с сэром Уоми	591